

F * W

Цикл
Александра Башибузука

ЭМИГРАНТ

Его высокоблагородие
Господин поручик

FANTASY ✱ WORLD

АЛЕКСАНДР БАШИБУЗУК

ГОСПОДИН ПОРУЧИК

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
БЗЗ

Серия «Fantasy-world»

Выпуск 29

Оформление обложки *Бориса Аджиева*

Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону

БЗЗ Башибузук, Александр

Эмигрант: Господин поручик: роман / Александр
Башибузук. — Москва: Издательство АСТ; Изда-
тельский дом «Ленинград», 2019. — 352 с. (Fantasy-
world).

ISBN 978-5-17-115949-8

Что делать, когда просыпаешься и понимаешь, что не
помнишь, кто ты такой? Вдобавок ко всему парочка громил
собирается тебя убить, а все вокруг очень похоже на анту-
раж черно-белого кино и оказывается Марселем образца
тысяча девятьсот двадцатого года.

Нашему современнику, волей случая оказавшемуся в теле
офицера Русского экспедиционного корпуса во Франции,
поручика царской армии Александра Аксакова, придется
столкнуться с очень многими трудностями и опасностями,
но он привык решать проблемы кардинально и ни перед чем
не остановится, чтобы защитить близких для себя людей
и вернуться в Россию.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-115949-8

© Александр Башибузук, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

В маленькой запыленной каморке, на сбитом из досок топчане без движения лежал укрытый вылинявшим армейским одеялом до самого подбородка молодой мужчина. Тусклые солнечные лучи, с трудом пробиваясь через расположенное под самым потолком маленькое замызганное окошко, падали на его изможденное лицо, окрашивая кожу в мертвенно-бледный, желтоватый цвет, более присущий покойнику, чем живому человеку.

Здоровенный рыжий таракан медленно выполз из щели в полу, покрутил усиками, а затем, ловко перебирая лапками, стал взбираться на топчан по краю одеяла. Забравшись вверх, он остановился на груди мужчины, помедлил, словно колеблясь, и быстро двинулся к его лицу. Запущенная неряшливая борода не стала препятствием, и уже через мгновение прусак обосновался на скуле.

В этот момент в дверь каморки кто-то сильно постучал. Судя по грохоту и жалобному скрипу разохшихся досок, стучали ногами. Возможно, не один человек. Таракан мгновенно прыснул с лица и затерялся в складках вытертого до основы одеяла, а сам мужчина вдруг глубоко вздохнул с сильным хрипом в груди, резко сел на постели и медленно, с диким недоумением в глазах оглянулся по сторонам...

Глава 1

**Франция. Марсель.
1 ноября 1919 года**

Обшарпанные стены с обсыпавшейся штукатуркой, низкий, покрытый пятнами плесени потолок, колченогая табуретка с огарком свечи, покосившийся шкаф с оторванной дверцей и такой же убогий стол с жалкой немудрящей посудой на нем...

Внезапно вынырнув из обволакивающей бархатной темноты, я никак не мог сообразить, где очутился. Определиться не получалось: голова гудела так, как будто по ней отрабатывал соло спятивший рок-барабанщик, в глазах все плыло, а вдобавок ко всем этим чудным эффектам грудь при каждом вздохе разрывала сильная тупая боль.

— Что за черт?.. — озадаченно прохрипел я, озираясь по сторонам. — Какого хрена?..

Словно в ответ на вопрос раздался сильный грохот, дверь с треском распахнулась, на пороге каморки возникли два незнакомых мне персонажа. Один громадный и широкий, как шкаф, в сопровождении второго, размерами гораздо скромней.

Первый очень сильно смахивал на средневекового палача. Маленькая лысая шишковатая голова с рожей великовозрастного дебила, узкие плечи, мощные

ручищи почти до колен, грудь как бочка, объемистое пузо — ему бы еще остроконечный красный колпак с прорезями для глаз, суконные колготки с заляпанным кровью кожаным фартуком — и вылитый мастер заплечных дел. А вот старомодного покроя костюм в клетку с длиннополым пальто амбалу совершенно не шли и смотрелись, словно детская одежда на взрослом мужике. И да, скорей всего, он был не европеец, а араб. Или около того.

А вот тот, что размерами поменьше, с закрученными кверху усиками и смазливой наглой мордой, совсем наоборот, смотрелся вполне нормально, хотя как-то... не по-современному, что ли...

А вообще, в визитерах было что-то странное. Но что, я так и не понял. Верней, не успел понять.

— Оля-ля... — издевательски протянул менее габаритный. — Кого я вижу? Месье Аксаков собственной персоной. Вы ли это?

— Он, он... — буркнул его спутник. — Просто зарос, как шайтан.

— Точно он, — согласился первый. — Ай-ай, как нехорошо прятаться от своих друзей, месье Аксаков. А мы тут уже с ног сбились. Ахмед...

Амбал, довольно хрюкнув, сделал шаг вперед и, протянув лапищу, словно пушинку вздернул меня с топчана в воздух.

«Что? Какой, к черту, месье? Какой Аксаков?» — как-то вяло и отстраненно задался я вопросом. Но озвучить его не успел, потому что Ахмед ткнул меня в стену.

В глазах полыхнули мириады ослепительно ярких звездочек, грудь взорвалась мучительным кашлем, а сам я, кажется, на мгновение потерял сознание.

А когда очнулся, обнаружил, что так и вишу, словно тряпка, в руке у здоровяка.

— Анри, — гнусаво пробасил амбал, кровожадно кривя рожу. — Можно я откручу этому говнюку голову?

— Пока нет, — жестко отказал Анри, а потом очень доброжелательно, словно к старому другу, обратился ко мне: — Месье Аксаков, вы совершили непростительную ошибку. В этом городе никто не рискует оскорблять месье Неро. Потому что все знают — подобное чревато очень серьезными последствиями. Но вы все-таки сделали это. К тому же, вместо того чтобы как можно быстрее загладить свою вину, вы стали ее усугублять.

В голове крутилась тысяча вопросов, но я задал лишь один:

— Какого черта тебе надо?

И тут же ужаснулся, потому что понял; спрашиваю не на русском языке, а на французском. Которого... которого, кажется, никогда не знал...

— Сейчас поймете, месье Аксаков, — обаятельно улыбнулся француз и очень спокойно достал из кармана пальто пистолет.

«Это сон... — отчаянно стараясь убедить сам себя, подумал я. — Всего лишь чертов сон...»

Но густая чесночная вонь, исходящая от здоровяка, и звук взводимого затвора засвидетельствовали совершенно обратное.

Ужас прополз по спине и затылку, словно огромная, холодная и скользкая пиявка. Тело переполняла дикая слабость, сил на сопротивление не было ни капли, уже почти смирившись с неизбежным, я опустил глаза и вдруг наткнулся взглядом на рукоятку револьвера, торчащую из кармана пальто у амбала.

С желтыми костяными накладками, хищно изогнутую, массивную, рядом, только руку протяни...

— Хотя нет, — Анри опустил пистолет и широко улыбнулся. — Хочу посмотреть, как он будет сучить ногами и пускать слюни. Ахмед, твой выход...

— Хех!.. — араб довольно крикнул, одной рукой прижал меня к стене, а второй ухватил за горло. — Расслабься, говнюк...

«Да пошел ты!..» — уже почти теряя сознание, я ухватился за рукоятку револьвера, выдрал его из кармана амбала, вывернув кисть, ткнул стволом ему в бок и даванул на тугой спусковой крючок.

Приглушенно бабахнул выстрел. Резко пахнуло сгоревшим порохом и паленой шерстью.

Ахмед протяжно испортил воздух и стал оседать на пол.

Француз с удивленным лицом вскинул пистолет, но я уже успел выстрелить во второй раз.

Пальнул почти не целясь, наобум, и... и в очередной раз потерял сознание.

Но только на мгновение, потому что, когда пришел в себя, из ствола револьвера все еще курился сизый дымок.

Ахмед, лежа пузом вниз, судорожно дрыгал левой ногой и сипло покряхтывал, рядом с ним без движения распростерся навзничь Анри. Из аккуратной дырочки чуть выше его правой брови медленно сочилась струйка крови и капельками стекала по скуле на пол.

— Твою ж мать... — я попытался встать, а когда ничего не получилось, просто сел и уперся спиной в топчан.

Очень хотелось закрыть глаза и опять провалиться в спасительную темноту, в голове царил стран-

ная пустота. Где-то на задворках сознания шевелилась вялая мысль: «Сейчас соседи вызовут полицию и все образуется. Самооборона чистой воды. Главное, понять, кто это такие и что им от меня было нужно...»

— Так что им от меня было нужно? — повторил я вслух. — За какие косяки они меня хотели грохнуть?

И тут же понял, что ничего не помню. Ничего, нет ни одного связанного со мной воспоминания! Ни капельки, даже обрывочка...

Как я сюда попал?

Где, черт побери, я нахожусь?

Почему чувствую себя, словно меня переехал грузовик?

И самое главное: кто я такой и какого хрена понимаю французский язык, как свой родной?!!

Чтобы хоть как-то развеять угнетающую неизвестность, огляделся в поисках телефона. Не найдя его, полез к себе в карманы и неожиданно сообразил, что одет в растянутый засаленный свитер грубой вязки и грязные фланелевые штаны странного фасона, без ширинки и с застежкой на боку. А под этой одежкой обнаружилась нателная рубашка и архаичные кальсоны с завязками. Такие, какие не носил со времени срочной службы в армии. Это я помню точно. А вот когда служил и в каких войсках, начисто вылетело из головы. Впрочем, как и все остальное. Вплоть до имени...

На вешалке, которую изображали вбитые в стену ржавые гвозди, висела порыжевшая войлочная куртка, а под ней стояли на полу заляпанные грязью растоптанные башмаки на шнурках.

— Да что за хрень, мать твою? — не удержавшись, в голос возмущился я. — Не мое это! Не может моим...

Пока искал ответы на вопросы, немного пришел в себя. К этому времени араб уже затих, в комнатухе наступила тишина, а сирен полицейских машин все еще не было слышно.

Странно, но ладно, жаловаться не собираюсь. Пока такой расклад только на руку.

Собравшись с силами, встал и выглянул в коридор. Но ничего, кроме неоштукатуренных кирпичных стен, покрытых слоем грязи труб под потолком и замусоренного пола, не увидел. Зато понял, что нахожусь где-то в полуподвальном помещении.

— Час от часу не легче. М-мать, где полиция? — Так и не решившись выйти из каморки, я влез на топчан и, клацнув ржавым шпингалетом, открыл окошко.

В лицо ударил сырой холодный воздух, наполненный смрадом угольного чада, тухлой рыбы, еще какой-то непонятной дряни и соленым крепким запахом... Запахом моря?

— Моря? Какого хрена?

Какофония звуков, обрушившихся на уши, тоже ничего не прояснила, даже наоборот, еще больше загнала в недоумение.

Звонко цокали подковы по брусчатке, где-то вдалеке надрывались пароходные гудки. Орали чайки... Чайки? И самое странное...

— Посторонись!..

— Кому круассаны?..

— Зелень, свежая зелень!..

— Куда прешь, урод?..

— Месье Галан, вы слышали, в наших колониях...

— Да не дождемся мы репараций от фрицев, месье Дюбуа, все островные обезьяны* подберут...

И самое странное, всюду слышалась французская речь.

— Зараза... — так и не разглядев ничего, я захлопнул окно и сел на топчан. — Не иначе свихнулся. И что делать?

Сказать, что я был растерян — это значит ничего сказать. В голове творился такой сумбур, что, дабы избежать немедленного помешательства, я решил предпринять хоть какие-нибудь действия. Для начала хотя бы проанализировать обстановку.

Итак, совершенно ясно: я — русский. Верней — россиянин. Потому что могу быть как татарин, так и... евреем, к примеру. Увы, память настоящей национальности не подсказывает. Да и не особо важно на данный момент. Но то, что из России — это точно. Такого даже при полной амнезии не забудешь. Генетически вложено.

А еще ясно, что я не на родине. А это значит, на вражеской территории. Да, именно на вражеской, потому что всяких там французов, бриттов и прочих европейцев, не говоря уже за партнеров из-за океана, мать их так, я друзьями никогда не считал и не считая. Не простых людей, а их государства. Да и с простым человеком очень неоднозначно. А это значит, надо вести себя, как в тылу у врага.

Налицо два мертвеца и я, слабый, как кутенок. Без единого документа. Да еще без памяти и вдобавок россиянин. Что из этого следует, надеюсь, ясно?

* *Островные обезьяны* — презрительное прозвище британцев во Франции.

И не надо мне протирать о верховенстве закона на Западе. Назначат козлом отпущения в угоду какой-нибудь политической ситуации и даже не поморщатся.

Да, все плохо. Даже не плохо, а вообще сплошное дерьмо. Хотя и положительные моменты присутствуют. Я жив, меня еще не замели, и, черт побери, языками владею. Французским и русским — а это уже немало.

Не знаю, кто я на самом деле, но интуиция подсказывает, что надо валить из этой конуры. И чем быстрее — тем лучше. В идеале, в направлении посольства России. Но сначала — трофеи.

— Вперед! — скомандовал я сам себе, закрыл дверь, едва не вырубаясь от слабости, припер ее тумбочкой, после чего принялся обыскивать визитеров.

Тот факт, что они уже были трупами и безбожно смердели, как ни странно, меня никак не взволновал; что привело к довольно полезному выводу. Какому? Тут всего два момента: либо у меня психика наикрепчайшая, либо... либо привыкший. Н-да... даже не знаю, какой из этих вариантов предпочтительней. Вот как-то не улыбается неожиданно прозреть и вспомнить, что был патологоанатомом. Или киллером. А вообще, плевать. Хоть гинекологом. Лишь бы вспомнить.

Быстро обчистив карманы непрошенных гостей, я сложил всю добычу в кучку и, переждав очередной приступ кашля, приступил к досмотру.

Как назло, документов ни у одного не оказалось. А вот остальное... Остальное все еще больше запутало. Но обо всем по порядку.

Первым делом осмотрел оружие. Очень скоро выяснилось, что все стреляющее железо было жутко архаичной конструкции и неизвестных мне моделей, но после поверхностного изучения маркировки стало ясно, что стволы тоже родом из Франции. Или Бельгии. Увы, точнее не разобрался.

Немного подумав, я тщательно стер с револьвера отпечатки пальцев и вложил его в руку амбала, потом повторил процедуру с пистолем и щеголем — пусть полиция ломает голову, кто кого завалил. Плохо в деревне без обреза, но попасться с «мокрым» стволом еще хуже. В общем, сами понимаете. А вот большой складной нож, с фиксатором клинка, очень смахивающий на испанскую наваху*, присвоил. Не бог весть что, но оставаться совсем без оружия не годится.

Теперь бумажники...

В бумажниках оказались деньги. Купюры и несколько монет, общей суммой в триста восемьдесят франков. Я не особо удивился, разобравшись, что это французская валюта, но год выпуска банкнот...

— Тысяча девятисот пятый? — не веря своим глазам, глянул купюру на свет. — И они еще ходят? Ни одной даты позже четырнадцатого года двадцатого века. Что за бред? Да и почему франки? Стоп... а что тогда у лягушатников? Ну не марки же или как там их... гульдены, что ли. Евро! Вот что! Ладно, пока примем как данность и проведем легкую экспроприацию.

* *Навах* (исп. *Navaja*) — большой складной нож испанского происхождения, род холодного оружия и инструмента. Возникла навах из-за запрета для простолюдинов в Испании на ношение длинных ножей. Рукоятка у навахи почти всегда имеет характерный изгиб на конце.

В лопатниках оставил немного мелочи и вернул их обратно в карманы гостей. Пусть в случае чего докажут, что я что-то брал.

Закончив с досмотром, набросил на себя куртку, висевшую на вешалке, и напялил кепку, фасона а-ля Гаврош. Вещи оказались донельзя затасканные, но одежда гостей была вся заляпана кровью и дерьмом, поэтому с желанием прибрахлиться трофейным гардеробом пришлось расстаться без сожаления. Единственное, сделал исключение для обуви, позаимствовав у Анри добротные полуботинки на меху, к счастью, оказавшиеся мне впору. И щегольские перчатки из лайки с теплым шерстяным шарфом вдобавок.

Пока справлялся, совсем выбился из сил. Пришлось присесть и немного передохнуть. А когда уже совсем собрался уходить, случайно обнаружил под набитой соломой замызганной подушкой еще один револьвер.

— Откуда ты здесь, дружище? — недоуменно пробормотал я, разглядывая потертый «наган»*. — И патронов полный барабан. Н-да... Загадка на загадке...

Но времени долго раздумывать не было, поэтому я сунул его в карман и шагнул в коридор.

И нос к носу столкнулся с пухлым коротышкой в вязаном колпаке и потертом, некогда парчовом, домашнем халате.

* *Револьвер системы Нагана* — револьвер, разработанный бельгийскими оружейниками братьями Эмилем и Леоном Наганами, и состоявший на вооружении и выпускавшийся в ряде стран в кон. XIX — сер. XX в. В 1895 г. был принят на вооружение Русской императорской армией, в варианте под патрон 7,62×38 мм Наган.